

Е. Ю. Рукосуев, Г. Н. Шумкин

Рукосуев Евгений Юрьевич – старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, кандидат исторических наук, доцент.

Шумкин Георгий Николаевич – научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, кандидат исторических наук.

КИТАЙЦЫ НА УРАЛЕ: КОНФЛИКТЫ НА КИЗЕЛОВСКИХ УГОЛЬНЫХ КОПЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В самом широком понимании конфликты – это любое столкновение интересов в социуме. Конфликты являются важнейшим условием общественного развития. Более того, конфликт без особого преувеличения можно назвать одной из норм человеческого общения. История китайской миграции на Урале в начале XX в. не является исключением. Как правило, всплеск интереса бюрократии к китайцам, выразившийся в активизации деловой переписки, был спровоцирован конфликтной ситуацией. Бесконфликтная жизнь очень слабо отражена в источниках, информация о ней носит, в основном, косвенный характер.

В этих конфликтных ситуациях официальная власть в лице губернатора, окружных инженеров, полицейских стремилась занять позицию формально объективного арбитра, однако всегда репрессивные меры направлялись против рабочих, хотя, очевидно, что виновником конфликтов чаще становилась администрация предприятий. В отношении предпринимателей и администраций власть ограничивалась лишь замечаниями и предложениями соблюдать права рабочих. Теперь должно быть понятным, почему китайские рабочие после революции 1917 г. стали «красными китайцами», самоотверженно сражавшимися за новый строй на всех фронтах Гражданской войны.

Ключевые слова: миграция, рабочие, Гражданская война, «красные китайцы»

В самом широком понимании конфликты – это любое столкновение интересов в социуме. Конфликты являются важнейшим условием общественного развития. Более того, конфликт без особого преувеличения можно назвать одной из норм человеческого общения. История китайской миграции на Урале в начале XX в. не является исключением. Как правило, всплеск интереса бюрократии к китайцам, выразившийся в активизации деловой переписки, был спровоцирован конфликтной

ситуацией. Бесконфликтная жизнь очень слабо отражена в источниках, информация о ней носит, в основном, косвенный характер.

Следует отметить ряд условий, выполнявших функцию катализаторов конфликтов во время первой волны китайской миграции на Урал. Во-первых, китайские рабочие прибыли в страну, которая вела тяжелую войну. Война вызвала милитаризацию экономики и ухудшение снабжения населения, и китайцы не стали счастливым исключением. Во-вторых, завербованные рабочие уже имели опыт социальной борьбы, массового и организованного протеста. В 1899 г. север Китая был охвачен боксерским восстанием, а в 1911 г. в Китае произошла Синьхайская революция. В-третьих, произошло столкновение представителей двух очень различных цивилизаций, которые не были подготовлены к общению друг с другом.

Особенно острыми были конфликты на Кизеловских угольных коях. Сведения о них уже находили отражение в литературе, но целостного представления о конфликтах с участием китайцев в историографии нет (1). В этой работе предпринимается попытка закрыть данную лауну.

До Первой мировой войны китайцев на Урале практически не было. По данным переписи 1897 г. в Пермской губернии числилось только два китайца (2). Накануне войны, в 1913 г., по сведениям полиции, в Перми жило 22 китайца, японца и корейца. В других населенных пунктах постоянно проживавших представителей восточноазиатских стран полицейскими обнаружить не удалось (3). Несмотря на свою малочисленность, они вызывали тревогу у властей.

Отношение властей к китайцам весьма откровенно выражено в письме директора Горного департамента В.И. Арандаренко от 5 мая** 1914 г., которое было разослано по горнозаводским предприятиям Урала с требованием организовать контроль за перемещением китайцев: «К нам стремится из Китая исключительно люд, которому терять решительно нечего...., они, во время своего пребывания в наших пределах, являются элементом в высшей степени незаконным, совершают самые тяжчайшие преступления, и затем источником всевозможных инфекционных болезней разносимых ими.... кроме того, вместе с поселением китайцев, наблюдается постепенный переход в их руки, благодаря минимальным требованиям и исключительной способности приспосабливаться ко всякой обстановке, многих отраслей чернорабочего труда, торговли и промыслов. Что же касается политической стороны вопроса, то.... оставаясь на чужой стороне верными сынами своего отечества и не чувствуя поэтому никакой потребности ассимилироваться-

** Все даты даны по старому стилю.

ся с окружающим его населением, китаец и с этой стороны представляется элементом прямо враждебным» (4).

С началом войны отношение кардинально изменилась. В связи с массовыми мобилизациями рабочих на Урале резко обострилась проблема дефицита рабочих рук. Особенно острой она была в производстве древесного угля и добыче каменного угля, составлявших основу топливно-энергетической базы уральской промышленности.

В марте 1915 г. Харбинский биржевой комитет предложил Горному департаменту Министерства торговли и промышленности организовать доставку рабочих китайцев на рудники и горные заводы.

В следующем месяце администрация Кизеловского горного округа, в состав которого входили Кизеловские угольные копи, снабжавшие топливом предприятия и железные дороги Урала, первой проявила интерес к этому предложению: «Лишь с помощью китайских рабочих можно надеется исполнить наши обязательства по поставкам нашего каменного угля как казенным, так и частным учреждениям». По расчетам администрации при доставке на копи 3 тыс. рабочих, добыча угля должна была возрасти на 3 млн пудов ежемесячно (5). Летом администрацией округа был подписан договор с «Восточно-Иркутским мукомольным Товариществом» Д.Е. Дризина, которое взяло на себя обязательство поставить на каменноугольные копи округа 2000 квалифицированных рабочих («копсовых», забойщиков не менее 50% и «каталей» до 25%) (6).

Рабочие партиями по 300-500 человек с конца июля до середины сентября прибывали на предприятия округа (7). Формально, рабочим предоставлялись те же права, которыми обладали российские рабочие: рабочий день – 10,5 часов, выходные – пять обязательных нерабочих русских праздничных дней и по желанию не более 10 дней китайских праздников. Зарплата, составляла 60 коп. у рабочих, работавших на поверхности и 70 коп. – в шахте. Кроме того, администрация была обязана бесплатно обеспечить рабочих жильем, отоплением, баней и провиантом. Они должны были быть «гигиенично устроены», иметь «одинаковое условие, как для русских рабочих». Всего фирмой Д.Е. Дризина было доставлено 2700 человек.

Первый конфликт был спровоцирован администрацией уже в сентябре. В зарплату была включена цена свечек, которыми пользовались рабочие ночной смены (следует отметить, что на других предприятиях бесплатное освещение было обязательным условием при найме китайских рабочих (8)). 25 августа 1915 г. началась первая забастовка китайцев в Кизеловском округе. Подстрекаемые Ху-Вы-Чженом рабочие Княжеских копий прекратили работу и потребовали обеспечить их бесплатными свечами. Тем, кто все же готов был выйти на работу, Ху-Вы-Чжен

угрожал физической расправой. Требование бесплатных свечей повторили во время забастовки 1 сентября 1915 г. рабочие на Половинкинских коях (9). Полиция арестовала зачинщиков на три месяца, а Ху-Вы-Чжен был выслан на родину. Этот конфликт разрешился к октябрю, когда «на коях сам собой установился новый порядок оплаты труда рабочих китайцев поурочно» (10). Таким образом, администрация нарушила пункт договора относительно фиксированной ежедневной оплаты, но это нарушение было благожелательно принято рабочими, осознавшими возможность роста зарплаты. Кроме того, повысилась производительность труда.

Однако подбор рабочих при найме был весьма неудовлетворителен и горнорабочих оказалась лишь половина из всего числа доставленных рабочих. (Следует отметить, что низкая квалификация была нормой среди китайских рабочих. Так, в декабре 1915 г. Дризин поставил Кизеловскому округу вместо 500 опытных дроворубов, 350 рабочих, из которых ни один не был знаком с делом (11)). Более того, в числе рабочих оказались больные, а также лица, не только не желавшие работать, но препятствовавшие попыткам администрации организовать работу остальных. Многие рабочие прибывали по чужим паспортам. Полицией было установлено, что лица на фотографиях в паспортах далеко «не всегда похожи» на владельцев паспортов (12). В результате работала лишь часть китайцев, и работала в большинстве случаев плохо.

С китайскими рабочими прислал подрядчик Куй-дин-сан, абсолют-но не знакомый с делом. Администрация копей вынуждена была отказать от его услуг. Во второй половине сентября приехали новые подрядчики Ти-ю-син и Б.А. Крылов. С ними был заключен договор, в котором были более четко прописаны обязательства сторон. Подрядчики принимали всех доставленных китайских рабочих, гарантируя в течение трех лет производительность китайских рабочих (не менее 65% от производительности русского рабочего), их квалификацию (не более 2-3% чернорабочих) и численность (не менее 3000). Администрация обеспечивала китайцев работой из расчета 25 дней в месяц, предоставляла «достаточно поместительные бараки, кухни с котлами, в отдельных от барачных помещений, отопление, освещение, баню и медицинскую помощь» (13).

Но рабочие отказались работать под началом новых подрядчиков. Добыча угля резко сократилась. В создавшейся ситуации полицейский исправник Соликамского уезда обвинял администрацию округа: «Я считаю не совсем правильным: на неполноту и отсутствие какого-либо юридического значения предварительного договора заводууправления с поставщиками китайцев указывал и вице-губернатор.

ныне же с китайцами поступлено еще страннее: заводоуправление привезло их, но с 20 октября совершенно отказывалось иметь с ними какое-либо дело – «рассчитало» их и китайцам волей не волей пришлось принимать новые условия труда, на которые в Харбине они, может быть, и не согласились бы. Постоянные обещания заводоуправления урегулировать дело, так и остаются только обещаниями и все бывшие до сего времени, хотя и мелкие, выступления китайцев имели место на почве отсутствия точно сформулированных взаимоотношений заводоуправления и рабочих; последнее решение заводоуправления, так сказать, «умыть руки» в недоразумениях с рабочими и передать этот спорный вопрос подрядчикам дела нисколько не устраивает и в будущем, вероятно, не обойдется без вмешательства высшей администрации, так как договоры, вызывающие в самом начале неудовольствие китайцев и нежелание подчиниться им вряд ли будут жизненны и могут лишь вызвать дальнейшие осложнения и борьба с ними путем обязательных постановлений мало поможет делу, так как причины недовольства китайцев этим устранены не будут, тем более, что китайцы реагируют на меры взыскания очень странно и, сопоставляя их с китайским, считают настолько гуманными, что никакого устрашающего впечатления они на них не производят и следовательно не достигают цели» (14).

Тем не менее, в ходе переговоров администрации округа удалось убедить старшин, «что подрядчики гарантировали прежние платы и Контора будет следить... за выполнением всех законных требований как рабочих, так и подрядчиков» (15).

Работа снова стала налаживаться, но в ночь на 4 ноября толпа рабочих убила одного китайского переводчика, одного китайского штейгера и тяжело ранила другого переводчика. В ходе следствия выяснилось, что среди рабочих были хунхузы. «Они запрещали работать свыше известной нормы и надеялись добиться отказа подрядчиков, а тогда они явились бы фактическими хозяевами Китайской массы, которая их кормила бы.... Китайцы были пояснительно терроризированы этой кучкой хунхузов» (16). По просьбе пермского губернатора М.А. Лозина-Лозинского дело об убийстве было передано на рассмотрение военного суда Казанского военного округа. Но губернаторские ожидания «строгих и быстрых репрессий» не оправдались. Приговор был оглашен 9 марта 1916 г. Самым суровым наказанием было 10 лет каторги, вынесенным четырем рабочим; двое были осуждены на девять, двое – на восемь лет, семеро были оправданы. в отношении еще одного китайца дело «развалилось» (17).

Зимой 1915 – 1916 гг. работа китайцев на Кизеловских коях все-таки была организована. Ежемесячно добывалось по 4-5 млн пудов угля. К лету объемы добычи снизились, но по сравнению с предыдущими

годами оказались рекордно высокими. Китайцы, в отличие от русских рабочих, не требовали для себя летних отпусков на время сенокоса. Качество жизни китайских рабочих при этом было неудовлетворительным. Весной и в начале лета 1916 г. среди рабочих распространилась цинга, на что неоднократно указывал администрации Кизеловского округа окружной инженер Чердынского горного округа Н.П. Блументаль. На станции Чусовой он видел китайских рабочих, чье «состояние больных настолько уже было тяжело, что многие из них в буквальном смысле не могли сделать даже трех, четырех шагов и ложились на пол дебаркадера, некоторых очевидно более привилегированных, другие несли на плечах; в общем же картина с большим трудом двигавшейся по перрону станции, растянувшейся на десятки сажень беспомощной толпы больных производила самое неблагоприятное впечатление» (18).

Кроме того, в Кизеловском округе в качестве меры принуждения рабочих к труду использовалась порка китайцев нагайками. Отношение к больным часто также не соответствовало элементарным требованиям. Блументаль в своем письме управляющему Кизеловским округом В.Н. Граматчикову писал: «Перевозка на лошадях увечных, требующих серьезных хирургических операций рабочих, из Губахи и Половинки в Кизеловскую больницу не только не отвечает нормальным требованиям постановки медицинской части в больших предприятиях, но и противоречит понятиям простой человечности» (19).

Как следствие, начались побег китайцев с предприятий округа. По рапортам Соликамского уездного исправника пермскому губернатору прослеживается хроника побегов китайских рабочих. Например, 15 апреля 1916 г. сбежали 34 человека; в ночь с 8 на 9 мая – 13; 14 мая – 4; 24 мая – 53; 16 июня – 3; 22 июля 1916 г. – 7 человек (20). 7 мая около ст. Чусовая завязалась драка между сбежавшими из Кизеловского округа китайцами-рабочими и пытавшимися их остановить охранниками, чинами полиции и ремонтными рабочими. В результате китаец-переводчик убил одного рабочего и несколько ранил китайцем-переводчиком (21). Для прекращения побегов предпринимались меры репрессивного характера. На крестьян, укрывавших беглых китайцев, налагался штраф или арест за нарушение паспортного режима (22). На предприятиях была усилена охрана. К 19 июня 1916 г. на 50 рабочих приходился 1 сторож. Однако и эта мера оказалась тщетной. Китайцы продолжали бежать с копей. По словам пристава Кизеловского завода, «совершенное лишение свободы китайцев не могло бы в окончательной мере прекратить их побег, т.к. и из тюрьмы преступники прорываются на свободу, а этого к китайцам... применить нельзя, не имея полномочий и надлежащих инструкций на сей предмет» (23).

К лету 1916 г. из 6.5 тыс. вывезенных из Китая рабочих на Кизеловских копиях работало 3,5 тыс. человек. 195 человек было выслано на родину по болезни и за участие в забастовках, а остальные – почти 3 тыс. человек – бежали. Несмотря на это, работа китайцев для Кизеловского округа была очень выгодна. При крайне плохом материальном обеспечении, при крайне низкой производительности труда (в среднем за смену один русский рабочий добывал 100 пудов, китаец – 40 пудов) они выдали на-гора 20 млн пудов угля из 50 млн пудов, добытых на копиях в течение года – с октября 1915 г. по 1-е октября 1916 г. (24)

В октябре 1916 г. добыча угля снова резко упала, так как китайцы ожидали окончания срока подряда. Всего уехало 700 китайцев, а остальные остались на копиях, «перейдя от подрядчиков на работу непосредственно от конторы Кизеловского округа», на тех же условиях, на которых работали вольнонаемные русские рабочие.

Осенью 1916 г. вид истощенных, больных цингой, плохо одетых рабочих-китайцев, возвращавшихся с Кизеловских копей, вызвал волнение во встречных эшелонах вновь завербованных китайцев и озабоченность китайского правительства, которое стало препятствовать работе подрядчиков в Китае (25). По требованию уполномоченного китайского посланника Лю-Вуна и министра торговли и промышленности В. Н. Шаховского в ноябре 1916 г. условия труда и проживания китайцев были обследованы специальной комиссией. Обследование показало, «что скверного обращения и питания со стороны администрации нет» (26). Всю вину за нарушение условий труда, условий материально-бытового обеспечения рабочих возложили на подрядчиков, с которыми к тому времени были прекращены все отношения.

После истечения срока договора в октябре 1916 г. большая часть китайцев осталась на предприятиях округа. В конце 1916 г. китайцы составили самую многочисленную группу рабочих на Кизеловских угольных копиях. Из 7 тыс. рабочих каждый третий (всего 2,4 тыс.) был китайцем (27).

В этих конфликтных ситуациях официальная власть в лице губернатора, окружных инженеров, полицейских стремилась занять позицию формально объективного арбитра, однако всегда репрессивные меры направлялись против рабочих, хотя, очевидно, что виновником конфликтов чаще становилась администрация предприятий. В отношении предпринимателей и административная власть ограничивалась лишь замечаниями и предложениями соблюдать права рабочих. Теперь должно быть понятным, почему китайские рабочие после революции 1917 г. стали «красными китайцами», самоотверженно сражавшимися за новый строй на всех фронтах Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003; Петров А.И. История китайцев в России. 1856 – 1917 годы. СПб., 2003; Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. Т. 1.
2. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. С. 36.
3. Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО), Ф.65. Оп.1. Д.117. Л.8.
4. ГАПО. Ф.174. Оп.1. Д.97. Л.21-21 об.
5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.37. Оп.73а. Д.301. Л.23-24; ГАПО. Ф.65. Оп.3. Д.569. Л.7-8.
6. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО), Ф.73. Оп.1. Д.388. Л.116-117.
7. ГАПО. Ф.65. Оп.3. Д.569. Л.13.
8. ГАСО. Ф.45. Оп.1. Д.274. Л.2-4 об.; Ф.643. Оп.4. Д.333. Л.46-48 об.
9. ГАПО. Ф. 65. Оп.5. Д. 151. Л. 26.
10. Там же. Д.152. Л. 42-42 об.
11. Там же. Д. 151. Л. 61.
12. Там же. Л. 35.
13. ГАСО. Ф.73. Оп.1. Д.388. Л.118-121.
14. ГАПО. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 1-1об.
15. Там же. Д. 154. Л. 14.
16. Там же. Л. 15.
17. Там же. Д.159. Л.58.
18. ГАСО. Ф.73. Оп.1. Д.388. Л.100-100 об.
19. Там же. Л.104.
20. ГАПО. Ф.65. Оп. 5. Д. 151. Л. 76, 93-96, 102.
21. Там же. Оп. 1. Д. 165. Л. 152.
22. Там же. Д. 151. Л. 111.
23. Там же. Л. 90.
24. ГАСО. Ф.73. Оп.1. Д.388. Л.33, 35-35 об.
25. Там же. Ф.111. Оп.1. Д.254. Л.56.
26. Там же. Л.51.
27. Там же. Ф.73. Оп.1. Д.388. Л.34.

Rukosuyev Evgeny Yuryevich – the senior research associate of Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, the candidate of historical sciences, the associate professor. Shumkin Georgy Nikolaevich – the research associate of Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, the candidate of historical sciences.

CHINESE IN THE URALS: THE CONFLICTS ON KIZELOVSKY COAL KOPYAKH IN THE YEARS OF VOYNY □ WORLD WAR I

In the broadest understanding the conflicts are any collision of interests in society. The conflicts are the most important condition of social development. Moreover, without special exaggeration it is possible to call the conflict one of norms of human communication. The history of the Chinese migration in the Urals at the beginning of the XX century isn't an exception. As a rule, surge in interest of bureaucracy to the Chinese, expressed in activization of business correspondence, was provoked by a conflict situation. Frictionless life is very poorly reflected in sources, information on it carries, generally indirect character.

In these conflict situations the official power in the person of the governor, district engineers, police officers sought to take a position of formally objective arbitrator, however always repressive measures went against workers though, it is obvious that responsible for the conflicts the administration of the enterprises became more often. Concerning businessmen and administrations the power was limited only to remarks and offers to observe the rights of workers. Now has to be clear why the Chinese workers after revolution of 1917 became "red Chinese", selflessly battling for a new system on all fronts of Civil war.

Key words: migration, workers, Civil war, "red Chinese"

В.Н. Земцов

Заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

ДВА ТОМАСА,